

— Вот эта лужа — самая лучшая! — Гоудань указал на глубокую яму, в которой почти не осталось воды. — Каждое лето мы тут ловим знатных вьюнов да болотных угрей. Да только опоздали мы сегодня: вишь, земля раскопана? Дня два назад кто-то шустрый уже успел прибрать всё к рукам.

Эта илистая заводь слыла богатым местом. Она примыкала к глубокому топкому болоту, откуда прожорливые вьюны то и дело перебирались в мелкую воду. Тина там была глубокой, а трясина в самом центре болота не просыхала круглый год. Соваться туда никто не смел — ни скот пасти, ни рис сажать, засосет в один миг. В деревне даже малые дети знали, какая это погибель.

Ван Сюань хоть и вырос в этих же краях, привольной деревенской жизни толком не знал. Когда его матушка была еще жива — а исполнилось ему тогда всего пять лет, — она души в сыне не чаяла и оберегала как зеницу ока, даже в поле брала с собой только под присмотром. После ее кончины мальчик перешел под попечение тетки, и уж тут ему точно было не до шалостей. Не то что Гоуданю: тот, несмотря на малые года, успел облазить и прощупать каждую кочку в округе.

Ван Сюань растерянно захлопал ресницами:

— Разве рыба водится в грязи?

Он с опаской покосился на темную гладь трясины.

— Ну ты и глупый! — фыркнул Гоудань. — Обычная-то рыба, ведомо дело, в чистой воде плавает. А вот вьюнам да угрям только жидкую грязь и подавай — они в ней кормятся.

Ван Сюань восторженно засиял:

— Братец Гоудань, какой же ты ловкий! Всё-то ты знаешь!

— То-то же. Подрастешь — сам смекнешь, — горделиво хмыкнул тот и махнул рукой, увлекая товарища за собой. — А ну, гляди сюда! Те олухи, что вычерпали воду до нас, вьюнов-то в грязи проглядели. Видишь, А-Сюань, по краям ямы в иле дырочки?

Ван Сюань подошел ближе, наклонился и послушно кивнул:

— Это их норки?

— Они самые! Гляди, надо вот так раскапывать... Ого! А-Сюань, смотри, смотри! Вьюн! Да

какой жирный!

Гоудань с победным видом выпрямился, сжимая в пальцах извивающееся скользкое тело, и ткнул добычей прямо под нос приятелю. Ван Сюань тоже обрадовался. Он торопливо повернулся спиной, подставляя привязанный к поясу плетеный туесок, чтобы Гоудань опустил рыбину туда. Мальчик то и дело косился через плечо на свое пока еще единственное сокровище.

— Я тоже хочу ловить! — загорелся он.

Подражая другу, Ван Сюань закатал штанины до самых бедер и высоко засучил рукава, обнажив худенькие, совсем бледные руки. Рядом с загорелым до черноты Гоуданем, который летом вообще бегал нагишом по пояс, он казался совсем белым, как свежий тофу.

И вот оба мальчишки принялись увлеченно разгребать вязкую жижу на краю опустевшей ямы. Ван Сюань, бывший гораздо ниже и слабее друга, сразу увяз в иле по самые колени так, что и шагу ступить не мог. Плетеный туесок сполз с его худенькой талии чуть не до земли, и Гоуданю пришлось забрать его и привязать к собственному поясу.

— Гоудань, Гоудань, смотри! Я поймал! Какой огромный вьюн! — закричал Ван Сюань. От усердия и восторга на его щеках проступил яркий румянец.

Гоудань обернулся и так и обомлел:

— Брось! Брось немедленно, дурак!

Ван Сюань от испуга вздрогнул, пальцы его разжались, и скользкая тварь шмякнулась обратно в грязь. Гоудань в один прыжок очутился рядом, оттолкнул друга плечом и молниеносным, выверенным движением прижал извивающееся кольцо к земле.

— Фу-ух, пронесло, — шумно выдохнул он. — Какой это тебе вьюн? Это ж водяной уж!

— Ой! — Ван Сюань испуганно замер. Он точно знал: змеи кусаются, и они жутко ядовитые!

— Так брось его скорее! — Он протянул руку, пытаясь выбить гадину из пальцев друга, но Гоудань ловко увернулся и отступил на шаг.

— Да не бойся ты, он не ядовитый. Видишь, как я его зажал? Они в гнилых листьях да в иле прячутся. Кусаются, правда, больно — кровищи потом не оберешься.

Уж в руках Гоуданя уже едва шевелился. Мальчик прижал его голову к земле и точным ударом мотыги отсек ее, а обезглавленное тело бесцеремонно забросил в туесок на бедре.

— Зато вкусный какой! Всё-таки мясо, как ни крути.

Ван Сюань со страхом покосился на туесок и боязливо сглотнул, но спорить не стал.

Вскоре Ван Сюаню улыбнулась настоящая удача: он нащупал под пальцами вьюна толщиной с мизинец. Тот был до того скользким, что едва не выскользнул обратно в грязь, но Гоудань вовремя подставил туесок, и добыча благополучно плюхнулась на дно. Даже такому скромному улову Ван Сюань радовался как ребенок.

А вот Гоуданю повезло куда больше — он вытащил из ила крупного болотного угря. Дикая рыба, пусть даже небольшая, всегда отличается недюжинной силой, но у опытного ловца на этот счет имелись свои хитрости.

— Братец Гоудань, ты опять змею поймал? — ахнул Ван Сюань. — Какая огромная!

— Да ну тебя! Это же болотный угорь, бестолочь! — рассмеялся Гоудань.

Надо же быть таким недотепой: то ужа за вьюна примет, то угря за змею!

Гоудань привычным движением размозжил угрю голову о камень и пояснил притихшему другу:

— У угря тело длинное, скользкое. Если его сразу не пришибить, он из любой корзины уползет, ищи его потом. Ну всё, идем отсюда. Здесь ловить больше нечего.

На дне туеска сиротливо копошились несколько вьюнов разного калибра, лежал безголовый уж толщиной с палец да пришибленный болотный угорь. Ноги у обоих оборванцев облепила тяжелая черная грязь. Еле передвигая потяжелевшие конечности, они кое-как взобрались на сухую земляную межу.

— Ой-ёй... — тихонько пискнул Ван Сюань.

Гоудань резко обернулся. Его товарищ сидел на корточках, жалобно морщась от боли.

— На колючку наступил, — пролепетал Ван Сюань, глядя на друга умоляющими глазами.

— Дай погляжу.

Гоудань присел рядом, ловко вытянул засевшую в нежной коже занозу и с силой надавил на ранку, выпуская капельку темной крови.

— Ну вот и всё. Сейчас поболит малость и пройдет. Ты на сухие корни-то не наступай, обходи их. Шагай за мной. В воду больше не полезай, лучше вон на меже кузнечиков лови. Дома мы их солью присыпем да в масле обжарим — ум отъешь!

При одной мысли о хрустящем лакомстве у Гоуданя потекли слюнки. Ван Сюань тоже обожал жареную саранчу, а потому спорить не стал и послушно принялся рыскать в траве.

Солнце поднялось высоко, близился полдень. Гоудань успел обойти еще парочку ям на соседних заливных полях, но улов был небогатым. Четвертая лужа оказалась самой глубокой. Пыхтя от усердия, мальчик вычерпывал из нее воду старым деревянным тазом, то и дело поправляя земляной валик, чтобы грязная жижа не текла обратно. Осушив яму наполовину, он отбросил таз в сторону и махнул Ван Сюаню:

— Давай сюда, помогай! Бери веялку, черпай по дну!

Он продолжал вычерпывать остатки воды. Нужно было поскорее проверить, есть ли тут хоть какая-то живность, а то махать тазом впустую — только силы тратить.

Ван Сюань усердно возил плетеной бамбуковой веялкой по дну, но корзина раз за разом выходила пустой. Мальчик не смел издать ни звука. Гоудань и так весь упарился, устал; если окажется, что труды напрасны, он точно рассердится. Вот Ван Сюань и сопел молча, отчаянно надеясь выудить хоть что-нибудь.

— Ну что, попало что-нибудь? — окликнул его Гоудань.

— Пока... нет, — упавшим голосом отозвался Ван Сюань.

— Эх ты! Дай сюда, я сам.

Выхватив у него корзину, Гоудань принялся методично вести ее краем по илистому дну от середины к краю ямы. Резко поднял — пусто. Зашел с другого бока, протаскивал снова — опять ничего.

— Тьфу, зря спину гнули! Похоже, эту яму тоже до нас обчистили.

Если бы рыбу ловили месяц-другой назад, следы бы затянулись, но и новая молодежь успела бы подрасти. А тут — шаром покати, видать, совсем недавно кто-то похозяйничал.

— Ладно, бог с ней, с водой. Давай хоть грязь по краям перекопаем, — вздохнул Гоудань. Он закинул на плечо мотыгу и принялся ковырять влажную жижу у берега, выискивая затаившихся вьюнов.

Попутно они собирали мелких пресноводных крабиков, которые из-за взбаламученной воды гурьбой лезли на сушу. Если их хорошенько присолить да зажарить вместе с кузнечиками, получалась отменная хрустящая закуска.

Закончив поиски, Гоудань раскопал земляную перемычку, пуская вычерпанную воду обратно в яму. Пройдет время, и здесь снова заведется рыба. В деревне так делали все: уходя, обязательно возвращали все на круги своя. Оставишь яму сухой — староста живо три шкуры спустит, ведь от этих канав зависит полив рисовых чеков.

— Ну что, пошли домой? У меня аж в животе урчит от голода. А ты как, проголодался?

— Нет, терпеть можно.

Два чумазых чертенка поплелись к протекавшему у деревни ручью. Едва добравшись до воды, Гоудань скинул туесок и с разбегу плюхнулся в прохладную глубь. Чистая струя вмиг потемнела — это с его тела тонкими шлейфами начала соходить вьевшаяся грязь.

— Иди сюда, чего стоишь? Водичка — прелесть! — крикнул Гоудань, с наслаждением кувyrкаясь в воде.

Прохлада горного ключа мигом сняла полуденный зной, заставив забыть о палящем солнце. Ван Сюань, глядя на довольного друга, тоже несмело шагнул в воду. Он тщательно оттер грязь с рук и ног, а затем аккуратно снял промокшую одежду и разложил ее на берегу. Опустив уставшие ноги в воду, он сначала зябко поежился от холода, но стоило телу привыкнуть, как его охватила блаженная нега.

Тем временем не знающий стыда Гоудань уже стащил с себя единственные штаны и принялся яростно тереть их в воде. Бедная одежда от такой стирки казалась еще более ветхой. Эти штаны были его единственным богатством на круглый год — в них он ходил до самых зимних холодов. Летом, когда они пачкались, Гоудань просто стирал их прямо на себе во время купания: за ночь они успевали высохнуть, и наутро их можно было снова надевать. А выстирать их сегодня действительно стоило: размороженный полуденным зноем, он во время ловли то и дело валился прямо в жидкую грязь, спасаясь от жары.

Когда речной ил наконец сошел, штаны стали заметно легче. Гоудань швырнул их сушиться на прибрежный куст и принялся усердно отмывать собственную шею и плечи.

— Эй, А-Сюань! Ты чего там застыл, как истукан? — окликнул его Гоудань.

— Да я тут... Ты так плещешься, боюсь, воду на голову нагонишь. Тетушка ведь строго-настрого запретила рану мочить.

— А дядя Ли Сы разве не говорил, когда тебе можно голову мыть? Она ж вроде затянулась

давно. Иди сюда, не буду я больше брызгаться. Давай спину потру, а то небось вся в грязи.

Ван Сюань послушно подошел и принялся тереть другу спину.

— И все-таки, когда тебе голову мыть разрешат? — ворчал Гоудань. — Вчера ночью спать ложились, так от твоей макушки за версту разило. Всё какими-то горькими травами пахнет, аж нос воротит.

Ван Сюань обиженно поджал губы. Ему и самому было до смерти досадно! Хотя рана на голове понемногу заживала, мочить ее в проточной воде и впрямь было нельзя. А теперь еще и любимый братец Гоудань обзывал его вонючкой. Гоудань, впрочем, даже не заметил, что задел чувства товарища. Подставив спину под его ладонки, он терпеливо подождал, пока тот закончит, а потом развернулся и в знак благодарности принялся сам намыывать белые лопатки Ван Сюаня.

— Ну вот и ладно. Давай теперь улов потрошить.

Он наполовину опустил туесок в воду и хорошенько потряс его, смывая остатки речного ила. Затем ополоснул деревянный таз, набрал в него чистой воды и вывалил туда всю добычу. В воде засуетилась разношерстная мелочь: длинные, короткие, толстые и тонкие рыбешки всех мастей.

Первым делом Гоудань выудил крупных кузнечиков. Ловким движением он отрывал им жесткие задние лапки и вытягивал из брюшка темную ниточку внутренностей, выбрасывая очищенные тушки в отмытую корзину, а нечистоты уносило быстрым течением ручья.

Ван Сюань принялся помогать другу. Удивительно, но с этой кропотливой работой его тонкие пальцы справлялись куда быстрее и ловчее.

Так они и сидели на корточках у самой кромки воды — два совершенно нагих мальчишки, один темный, как спелый каштан, другой — бледный, словно речная кувшинка. И в этой нехитрой деревенской возне было столько тихой, чистой гармонии, словно сам мир на мгновение замер, любуясь ими.